

Михаил Рожков

Деревенская история

16+

Деревенская история

Михаил Рожков

Деревенская история

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рожков М. П.

Деревенская история / М. П. Рожков — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Деревенская история)

ISBN 978-5-532-03657-4

Дед Витя – гроза деревни Смородиновка, злой и нелюдимый. Он ведёт неторопливый образ жизни в компании двух котов и собаки. Но с приездом новых жильцов, двух женщин лёгкого пенсионного возраста, всё меняется, и в жизни деда Вити и в жизни деревни. Странные события начинают происходить в Смородиновке. Чем закончится эта история: чей - то смертью или последней любовью? Ответ найдёте в книге.

ISBN 978-5-532-03657-4

© Рожков М. П., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Все события и персонажи книги вымышлены.

Любое сходство – совпадение или случайность.

Данная книга не стремится оскорбить честь и достоинство деревенских жителей, а также кур, котов, собак и других животных, встречающихся в тексте.

Автор отрицательно относится к сценам, связанным с употреблением алкоголя и табакокурением.

Автор не советует воспринимать некоторые моменты серьёзно, так как они намеренно написаны в шуточной форме. Но помните, в каждой шутке есть доля правды.

Глава первая

Дед Витя

Дед Витя сидел на ступеньках крыльца, смачно смоля папиросу и наслаждаясь прохладой летнего утра. На небе уже проступило солнце, ласково начав согревать лучами дом, двор и всю деревню Смородиновку. Верный товарищ, друг и брат – пёс Тузик, которого дед Витя подобрал пару лет назад на улице, с довольным видом лежал возле будки, радуясь, что хозяин рядом. Собака, вытянувшись и положив голову на передние лапы, прикрыв один глаз, периодически уходила в дрему.

Виктору Ивановичу Ионову было шестьдесят пять лет от роду. Он был среднего роста, худощавого телосложения, но жилистый, с острыми чертами лица, которое было идеально выбрито.

Подул лёгкий ветер, дед смахнул пепел со старого, с заплатками на коленях, трико. Внезапно в просветах между досками забора промелькнул силуэт. Тузик резко вышел из состояния сна и истошно залаял. Он-то знал, кто это. Это был сосед Николай Степанович, которого пёс не очень жаловал. За что не любил? Не знаю, наверно, у него на то были свои собачьи причины.

– Доброе утро, Виктор Иванович! – произнёс сосед, открыв калитку и войдя во двор.

– Принесла чёрта нелёгкая, – тихо пробурчал Ионов, явно недовольный, что его утреннюю идиллию нарушили.

Николай Степанович Берестов был забавным круглолицым толстячком, недалёкого ума, постоянно улыбающимся по поводу и без. Он смешно прошагал по двору, громыхая большими резиновыми сапогами, надетыми на спортивные штаны, опасливо покосился на собаку, растянул верхнюю пуговицу на телогрейке, провёл пальцами-сардельками по редким маслянистым волосам и остановился перед дедом Витей.

– Угости папироской, Иваныч, мои-то кончились, а до магазина, сам знаешь, далече, а ноги то у меня сегодня уж больно шибко гудят. Вот к обеду бабка моя пойдёт в город в магазин, закажу ей, а покамест извольте поделиться.

Виктор Иванович молча протянул пачку. Берестов радостно взял папиросу, достал из засаленного кармана телогрейки зажигалку, прикурил и, довольный жизнью, выдохнул густое облако дыма.

– А ну перестань лаять! – прикрикнул дед Витя на собаку.

Пёс мигом замолчал, присел на задние лапы, но глаз от деда Николая не отвёл.

– Злой он у тебя какой, – махнул рукой в сторону собаки Николай Степанович.

Тузик предупредительно зарычал.

– Он не злой, он просто тебя не любит.

– А чего ж меня не любит-то? – удивился Николай Степанович.

– А за что тебя любить-то? – ответил Виктор Иванович, туша окурок в банке из-под шпрот. – Ты бы пришёл, косточку ему какую дал, а то заходишь то за сигаретами, то за чаем, то за солью.

– Вот пенсию дадут, обязательно костей ему куплю, – убедительно произнёс Берестов.

Ионов сначала посмотрел внимательно на соседа, а затем, повернувшись к собаке, спросил у животного: – Ты ему веришь, Тузик?

Пёс злобно зарычал.

– Вот видишь, не верит тебе Тузик, – изрёк дед Витя.

В ответ Николай только ещё шире улыбнулся.

– Не знаешь, кто крайний дом купил? – спросил у него Виктор Иванович.

– Это тот, в котором бабка Тоня жила?

– Тот.

– Знаю, – ответил довольный Берестов, ища, куда бы бросить окурочек.

Ионов молча протянул ему банку из-под шпрот.

– Так москвичи какие-то купили, – ответил всезнающий Николай Степанович. – Говорят, скоро заедут. Посмотрим.

– Посмотрим, – подтвердил дед Витя.

Раздался пронзительный и противный звонок телефона. Николай Степанович опустил руку в карман, нащупал мобильник среди богатого содержимого кармана и извлёк его на свет. Затем, предварительно прицелившись, тыкнул пальцем на кнопку ответа вызова, но не попал с первого раза. Вторая попытка оказалась более удачной.

– Алло, алло, слушаю, – кричал в трубку телефона Берестов, чем вызвал недовольство Тузика, который и так с трудом терпел его присутствие. – Да, Галя, да, у Иваныча я. Что? Говорю – у Виктора Ивановича! Да иду я, иду.

Николай Степанович закончил разговор, нажал на кнопку завершения вызова и вновь спрятал телефон в карман.

– Супруга звонила, потеряла меня, – разведя руки и как бы оправдываясь, пояснил Николай. – Пойду я, попозже зайду.

– Давай, давай, – пробурчал Виктор.

Николай Степанович вновь улыбнулся и зашагал прочь. Тузик всё-таки не выдержал и гавкнул пару раз вслед уходящему соседу.

Дед Витя встал с крыльца, поморщился от внезапно появившейся боли в пояснице и задумался, чем бы сегодня заняться. Дел было много: нужно было поправить покосившийся забор позади дома, наварить собаке еды и заделать наконец-то дыру в туалетной двери. Тузик громко зевнул и, плюхнувшись на землю, прикрыл глаза. Виктор Иванович посмотрел на пса и тоже захотел вздремнуть пару часиков. «Ну что ж, у бога дней много, – произнёс он вслух, – успеются дела». Затем открыл дверь и вошёл в дом.

* * *

Проснулся Виктор Иванович, когда время уже подошло к обеду. Открыл левый глаз – по телевизору шла политическая передача. Открыл правый глаз – за окном ярко светило солнце. На улице стояла жара, а в доме было прохладно. Дед сладко потянулся и решил полежать ещё пару минут, постепенно приводя организм в режим бодрствования.

Комната богатством не отличалась, да и зачем оно в деревенском доме. Деревянные полы, деревянный потолок, аккуратно выбеленные стены и три маленьких аккуратных окошка обрамляли сие помещение. Старенький продавленный диван, на котором, собственно, и возлежал дед Витя, стоял возле стены. Возле противоположной стены, почти в самом углу, на маленькой тумбочке с двумя дверками стоял небольшой цветной телевизор. Посередине помещения расположился круглый стол, за которым дед любил сидеть с кружкой чая, размышлять о вечном и смотреть какую-нибудь телепередачу. Возле третьей стены, напротив окошек, находился старый двухдверный шкаф.

Желудок требовал еды, и хочешь не хочешь, а Ионову пришлось встать с дивана. Выйдя из комнаты, он оказался в маленькой кухоньке. Мебели в ней было так же немного. Возле единственного окна стоял стол, рядом с которым находился большой деревянный сундук, синего цвета, который дед Витя использовал вместо стула. Из значимой бытовой техники имелся небольшой холодильник, который громко и натужно гудел. Ещё была печка – небольшая, каменная. Печью дед пользовался редко, даже зимой. К печи ведь необходимы дрова, а их нужно нарубить, просушить, потом печь растопить. Проще было воткнуть в розетку обогреватель, и через час дом наполнялся теплом: эффект как от печи, а физических усилий меньше – да что там, практически никаких. А для приготовления пищи дед использовал маленькую электрическую плитку, стоящую на стуле.

Виктор Иванович открыл дверцу холодильника, достал оттуда кастрюлю с борщом и поставил на плитку. Затем из морозилки вынул шмат сала и положил его на стол, аккуратно ножом нарезал на ровные кусочки чёрный хлеб и вставил штепсель от плитки в розетку. Пока суп грелся, дед решил выйти из дома покурить. Покинув кухню, он вышел в сенцы, где встретился с Цыганом и Кутузовым. Те встретили Ионов громким «мяу». Цыган был чёрный как смоль, средних размеров молодой кот, а Кутузов – маленький белый котёнок, у которого отсутствовал один глаз. Где он его потерял, история умалчивает. Дед Витя любил давать оригинальные клички животным, вот только с Тузиком что-то не срослось. Коты громко орали, требуя еды.

– А ну молчать! – прикрикнул на них дед. – Сейчас сам поем, потом вас покормлю.

Животным эта идея не понравилась, и они стали мяукать ещё сильнее. Во дворе залаяла собака. Дед вздохнул, отложил папиросы, достал из шкафа пакет с кошачьим кормом и насыпал его в миску. Громко хрустя, коты принялись поглощать корм. Тузик залаял снова. Дед вернулся на кухню, залез в морозилку, взял пару костей, вышел во двор и кинул их псу.

«Ну а теперь и мне пора поесть», – произнёс дед Витя, глядя на то, как собака, прижав лапой к земле куриную кость, жадно её грызёт.

Борщ в кастрюле аппетитно забулькал. Виктор Иванович взял в руки полотенце, аккуратно снял кастрюлю с плиты и поставил её на стол. Зачерпнув половником густой, ароматный, дымящийся суп, налил его в железную миску. Подтаявшее сало нарезал маленькими кусочками, добавил добрую ложку сметаны в борщ и, удобно устроившись на сундуке, принялся обедать. Настроение было хорошее, аппетит тоже, а организм, набравшись сил после сна, жадно поглощал пищу.

Внезапно во дворе Тузик зашёлся истошным лаем. Дед Витя как раз прикончил суп и выглянул в окно. Возле калитки стоял в нерешительности и улыбался Николай Степанович. Ионов отвернулся и принялся доедать сало вприкуску с оставшимся куском хлеба. Берестов за окном стоял и ждал. Поняв, что хозяин дома на него никак не реагирует, принялся истошно кричать:

– Виктор Иванович! Виктор Иванович!

Дед вытер руки о полотенце и, поняв, что назойливый сосед так просто не отстанет, нехотя встал и вышел на крыльцо.

– Чего тебе? – спросил Ионов.

– Папироской не угостишь, Виктор Иванович?

– Ты же сказал, что бабка твоя за сигаретами сходит?

– Так она только-только ушла. А до города, сам знаешь, путь не близкий, а курить хочется.

– Ну ладно, иди сюда, угощу, – произнёс дед Витя, проявив доброту, что было для него не очень свойственно: видимо, сказался недавний приём пищи.

Берестов сделал два шага по направлению к крыльцу, а потом замер в нерешительности, глядя на собаку.

– А не укусит? – боязливо спросил Николай Степанович.

– Нет, – ответил дед, усаживаясь на ступеньку крыльца, – цепь не достанет.

Берестов, косясь на собаку, аккуратно принялся пересекать двор. Тузик запрыгнул на крышу будки, громко гроыхнув цепью, и занял наблюдательную позу. В мечтах пса периодически мелькали картины, как он кусает Николая Степановича за жирную ногу, а тот громко и истошно визжит. Нет, Тузик не был злым псом, просто ему, как и любой другой деревенской собаке, требовалось время от времени кого-нибудь кусать. Кандидатура Берестова, которого он невзлюбил с первого дня, подходила как нельзя кстати.

Свое первое знакомство с этим толстяком, пёс помнил очень хорошо. Дед Витя притащил его в деревню, когда он был полугодовалым щенком. Тузик не любил вспоминать своё детство. Да и чего там вспоминать: холодные ночи, еда с помойки, злые люди, которые его

пинали, и такие же бессердечные уличные собаки, которые его нещадно били, если он заходил на их территорию. Дед возвращался в тот день из города в деревню, катя рядом с собой велосипед, нагруженный многочисленными сумками с продуктами. Маленький, тёмного цвета с белым воротничком, ещё тогда даже не имевший имени щенок перебежал дорогу, как вдруг встретился с дедом, который как раз сворачивал с асфальта на грунтовую дорогу, ведущую через поле в деревню. Щенок внезапно остановился, не зная, чего ожидать от этого человека; остановился и Ионов. Он осмотрел собаку и, глядя в глаза спросил: «Пойдёшь ко мне жить?» Виктор Иванович вообще разговаривал с людьми и животными коротко, не любя лишних слов. Собака стояла и смотрела, не зная, на что решиться. Дед молча отвернулся и продолжил путь в деревню. Щенок постоял несколько секунд в нерешительности и засеменил следом за человеком, соблюдая дистанцию, чтобы в случае чего сделать ноги.

В первый день своего пребывания в деревне щенок был вымыт, накормлен и получил кличку Тузик. Во второй день пёс обрёл будку и был посажен на цепь. К вечеру этого же дня он познакомился с котом Цыганом. Цыган, будучи животным своенравным, как коренной житель деревни, соседа-собаку воспринял плохо и периодически и до сих пор строил ему различные кошачьи козни. Тузик не обращал на него внимания, и даже в глубине души – где-то очень глубоко – его любил: сосед как-никак. Щенок был несказанно рад, что обрёл хозяина, дом и даже собственный ошейник и цепь, которую с гордостью, гремя, носил. На третий день состоялось знакомство с Николаем Степановичем. Тот долго и критично осматривал собаку, что-то недовольно высказывал в адрес четырёхлапого, а затем решил погладить своей рукой. От ладони Берестова противно пахло чесноком, и Тузик, увернувшись от руки, слегка прикусил толстяка за большой палец. С тех пор Николай Степанович собаки опасался, а Тузик раз за разом находил причины не любить этого человека.

Дед Коля присел рядом с Ионовым, взял предложенную папиросу и, прикурив, задымил. Какое-то время сидели молча. Затем Берестов спросил:

– А что, Виктор Иванович, какие планы на сегодняшний день?

Дед Витя задумчиво затянулся, неспешно выдохнул дым, и прищурился левый глаз коротко ответил:

– Дел много.

– А что, может, по чуть-чуть? – спросил Николай Степанович, распахнув телогрейку, из внутреннего кармана которой торчала поллитровая бутылка.

Дед Витя затушил бычок об консервную банку, затем посмотрел на голубое ясное небо, тяжело вздохнул и произнёс: – У бога дней много, подождут дела. Да и жарковато сегодня. Но только по чуть-чуть.

– Да у меня только одна бутылочка, – сказал Берестов, улыбаясь и вынимая пробку.

– Да не спеши ты, – осёк его Ионов, – что ты как нехристь. Сейчас стаканы и закусь маломало принесу.

С этими словами дед встал и пошёл в дом, оставив Николая Степановича и Тузика один на один. Берестов недовольно покосился на пса и на всякий случай заткнул бутылку пробкой. Пёс оскалил пасть, обнажив большие белые зубы. Вернулся дед Витя с двумя стаканами, двумя огурцами и кусочком хлеба. Берестов разлил по стаканам и со словами: «Ну, за здоровье!» – употребил жидкость в себя.

На улице было жарко, но часть крыльца затеняли большие раскидистые ветви от растущей рядом липы. С речки дул лёгкий ветерок, в общем, идиллия.

– А скажи мне, Иваныч, – хрустя огурцом, спросил Берестов, – а вот почему ты людей так не любишь?

– А почему я их должен любить? – спросил в ответ дед Витя, занюхивая хлебом. – Человек существо поганое, а вот собака – она никогда не предаст, – произнёс дед, указав пальцем на Тузика.

Тузик, как будто поняв, что разговор про него, громко гавкнул.

– А как же коты? – деловито спросил Николай Степанович, снова наполняя стаканы. – Кот ведь не собака, за миску еды предаст и глазом не моргнёт.

– Кот существо своенравное и благородное, – пояснил Ионов. – Есть в котах что-то царское. И ты не прав: кот никого предать не может, потому что никому не служит.

Выпили снова, в этот раз без тоста.

– А знаешь, какую штуку я приобрёл? – загадочно сказал Берестов, уже порядком раскрасневшийся. Он вообще имел удивительное свойство: его лицо краснело даже от маленькой порции алкоголя. Поэтому отличить пьяного Николая Степановича от трезвого не составляло труда.

– Какую? – спросил дед, доставая из пачки папиросу.

– Вот! – произнёс Берестов, достав из кармана маленькую пластмассовую баночку. На баночке была приклеена этикетка с надписью «Красный жеребец».

– Чего это? – спросил удивлённо дед Витя, прикуривая.

– Ооо! – протяжно произнёс сосед, – это волшебные таблеточки. Лечат простатит, цистит и способствуют укреплению мужского здоровья.

– Ты где взял эту хрень?

– Это не хрень, это медицина! Я в газете одной заказал, вот мне и прислали по почте.

– Лопух ты, Коля, – сказал дед, наливая остатки бутылки в стаканы. – Как есть лопух. Столько лет прожил, а ума так и не нажил.

– Ээ, не скажи Иваныч. Люди врать не будут.

– Какие люди?

– А вот я тебе сейчас зачитаю.

Берестов достал из кармана телогрейки свёрнутый в четверть газетный лист. Дед Витя с интересом на него посмотрел. Карманы Николая Степановича хранили большую тайну: никто никогда не знал, каким содержимым они обладают и что в очередной раз извлечёт из них хозяин. Берестов развернул газету и принялся читать статью деловитым голосом:

– «Меня зовут Анатолий Михайлович, мне семьдесят один год. Уже лет десять я страдаю простатитом. Кто знает, что это, тот поймёт меня. Бессонные ночи, постоянные боли и частые походы в туалет по маленькому превратили мою жизнь в ад. И чем я только не лечился, к каким врачам только не ходил – ничего не помогало. Жизнь для меня стала серой, и даже водка не возвращала радость к жизни. И вот однажды я прочитал в газете о лекарстве «Красный жеребец». Поначалу не поверил, но потом подумал: а что я, собственно, теряю? Получил пенсию и заказал одну баночку для пробы. И вы не поверите: уже на третий день приёма этих таблеток боли прошли, в туалет по-маленькому хожу как на праздник. А спустя десять дней приёма стал замечать, что мужская сила во мне вновь проснулась. После этого я сразу заказал себе несколько баночек «Красного жеребца». И вот сейчас я уже и забыл давно, что такое простатит, а эрекция как у восемнадцатилетнего. А недавно завёл себе молодую любовницу».

– Какая чушь, – сказал дед Витя и залпом осушил стакан.

– А вот ещё пишут, – произнёс Николай Степанович, не обратив внимания на высказывания Иопова: – «Здравствуйте, зовут меня Нина Ивановна, мне 68 лет. Мой муж Гена всю жизнь проработал водителем. Работа водителем в те времена – это отдельная история: холодные сиденья, плохо отапливаемая кабина и ремонт то на земле, то на снегу. И, видимо, в те времена он простатит-то и заработал. Мучился он этим недугом давно. Чем мы только не лечились, всё без толку. Врачи от нас только рукой отмахивались, говорили: что вы хотите, возраст. С каждым днём я видела, как моему мужу всё хуже и хуже. Однажды, как он мне признался, чуть руки на себя не наложил. И вот как-то раз мне моя знакомая посоветовала попробовать таблетки «Красный жеребец». Дескать, у её мужа было то же самое, и таблетки их буквально спасли. Я сначала относилась к этому скептически, а потом решила – попытка не пытка. Зака-

зала для пробы пару баночек. Вы не поверите: на второй день приёма муж впервые провёл ночь без ночных походов в туалет. На третий день Гена сказал, что болей нет и чувствует он себя превосходно. А недавно я нашла у него в гараже, несколько журналов порнографического содержания, совсем свежие. Муж продолжает пить таблетки, что будет дальше, боюсь даже представить».

– Ужас какой, – произнёс дед. – Ты что, не понимаешь, что всё это обман? Продают какую-нибудь витаминку по цене мотоцикла. Таблетки небось дорогие?

– Ничего ты не понимаешь, Виктор Иванович, – начал яростно говорить Берестов. – На здоровье экономить нельзя. Инвестиции в здоровье – это самое лучшее капиталовложение.

– Ну допустим. А зачем тебе это лекарство, или проблемы какие с организмом?

– Да есть небольшие, – ответил Николай Степанович, немного стушевавшись и покраснев ещё сильнее, – совсем крохотные. По-маленькому бегаю часто, особенно по ночам. А у тебя что, с этим всё в порядке?

– У меня всё хорошо, – ответил Ионов.

– Да ладно, Иваныч, не ври, так не бывает.

– Бывает, – огрызнулся дед, – это ты болезный, а у меня здоровье ого-го, лошадиное.

– Так будет ещё лучше, – заговорщически произнёс Берестов. Он открутил крышку баночки и высыпал на ладонь две небольшие белые выпуклые таблетки. – Давай по одной, попробуем?

Дед взглянул на ладонь соседа и задумался. Тузик слез с крыши будки и уселся на землю, принявшись внимательно наблюдать за происходящим.

– А с другой стороны, – произнёс дед Витя, – здоровья много не бывает.

– Вот и я о чём, Иваныч, давай по одной, а то одному как-то страшно.

– Ладно, – произнёс дед, вставая со ступенек, – сейчас только воды на запить принесу.

Вернулся Ионов с полным ковшиком прозрачной родниковой воды. Он взял у Берестова таблетку, внимательно рассмотрел её, зачем-то понюхал, лизнул и приготовился принять внутрь.

– А я водкой запью, – сказал Николай Степанович. – Нечего воду тратить.

– Слушай, Степаныч, – произнёс вдруг дед Витя, держа таблетку в ладони, – а ты фильм «Матрица» смотрел?

– Нет, а про что там?

– Там тоже всё с таблеток началось.

Виктор Иванович закрыл глаза, положил таблетку в рот и запил большим количеством воды. Берестов последовал его примеру, запив лекарство оставшейся в его стакане водкой. Около минуты оба сидели молча, прислушиваясь к собственным ощущениям.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – почему-то шёпотом произнёс Николай Степанович.

– Нет, – так же шёпотом ответил дед Витя.

– Подождём.

– Подождём.

Ещё минут пять просидели в тишине. Тузик, утратив интерес к происходящему, гавкнул на пролетающую мимо бабочку, подумал о чём-то своём, собачьем, громко зевнул и ушёл в будку спать.

– Может, выпьем? – предложил Виктор Иванович. – Чего зря сидеть.

– Так ведь кончилось всё, – сказал Берестов и как бы в доказательство этого потряс пустой бутылкой перед своим носом.

– Так у меня припасено немного, на праздники.

– Неси, – радостно воскликнул Николай Степанович.

Дед ушёл во внутренности дома и вернулся спустя пару минут с поллитровой бутылкой, двумя помидорами и небольшим кусочком колбасы. Николай Степанович звонко хлопнул в

ладоши, яростно потёр их друг об друга, взял в руки бутылку и ловким движением открутил пробку. По двору неспешной походкой, подняв хвост трубой, гордо прошёл Кутузов. Он взглянул на хозяина, затем на соседа, недовольно фыркнул и продолжил путь по своим кошачьим делам.

Посиделки продолжались. Сорокаградусная жидкость быстро поглощалась.

– А вот скажи мне, Степаныч, – спросил дед Витя, уже порядком захмелевший, – на улице лето, солнце печёт – жуть, а ты всё время в телогрейке ходишь: тебе не жарко?

– Не-а, – ответил Берестов, громко икнув. – У меня же это, терморегуляция нарушена.

– Чего у тебя нарушено?

В это раз Николай Степанович ответить не успел, так как его внимание привлёк красный спортивный автомобиль с откидным верхом. Автомобиль медленно ехал по деревне. Поравнявшись с забором Ионов, мотор автомобиля издал чихающий звук, после чего заглох. Машина по инерции проехала ещё несколько метров и остановилась.

Виктор Иванович замер, наблюдая эту картину. А посмотреть было на что: за рулём автомобиля сидела девушка, в красном платье, в большой красной шляпе и солнечных очках. Из-под головного убора непослушно выбивались светлые пряди волос. Рядом, на пассажирском кресле, сидела ещё одна девушка, но одетая уже в чёрное платье и чёрную шляпу, из-под которой виднелись длинные тёмные волосы.

Девушка в красном попыталась вновь завести машину. Стартёр срабатывал, но двигатель не подавал признаков жизни. Девушка сделала ещё две бесплодные попытки завести мотор, а потом, бросив это дело, открыла дверь и вышла из автомобиля.

– Лен, что случилось? – задала вопрос девушка с тёмными волосами.

– Сломались.

– Ой, а что же делать?

– Не знаю, надо под капот заглянуть, вдруг там чего отвалилось.

Виктор Иванович и Берестов молча, боясь пошевелиться и издать хоть звук, наблюдали за девушками сквозь просветы между досками забора. Девушки наконец справились с капотом и обе удивлённо смотрели на внутренности машины. Девушки были красивые, высокие, стройные. Николай Степанович шумно сглотнул слюну.

– Ну что тут, Лен? – спросила девушка в тёмном платье, брезгливо заглянув под капот.

– Вот мотор, вот провода какие-то, – с умным видом ответила Лена, куда-то неопределённо тыкнув пальцем.

– Ну а почему она не едет? – не унималась её подруга.

– Наверно сломалось что-то.

– Ой, что же делать, – запричитала брюнетка. – Неужели мы тут застрянем?

– Надо кого-нибудь попросить починить нам машину, – ответила блондинка. Она повернулась в сторону дома деда Вити и, проваливаясь каблуками туфель в грунтовую дорожку, направилась к калитке.

Ионов и Николай Степанович молча смотрели на приближающуюся девушку.

– Иваныч, она идёт, – ткнув локтем деда Витю, панически произнёс Берестов.

– Вижу.

– Что делать-то будем?

– Гостей встречать.

Калитка отворилась, и девушка, увидев Виктора Ивановича и его соседа, широко улыбнувшись, произнесла слащавым голоском: – Здравствуйте, мальчики!

– Здравсьте, – ответил дед Витя.

Берестов лишь кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

– У нас тут машинка сломалась, – продолжила девушка, указав рукой на стоящий красный автомобиль с поднятым капотом. – Может, посмотрите?

Берестов тут же оживился и радостно произнёс: – Конечно, посмотрим. Вот Виктор Иванович сейчас глянет и вашу ласточку вмиг починит. Он раньше автослесарем в автоколонне работал. Правда, Иваныч?

– Ага, двадцать лет тому назад, – тихо ответил дед. Он встал со ступенек и направился к автомобилю. Николай Степанович засеменил следом.

– Здравствуйте, – произнесла брюнетка, когда деревенские жители подошли к машине.

Дед Витя молча кивнул. В Берестове же, наоборот, открылся дар красноречия.

– Меня Николай зовут, – сказал он, улыбаясь, – а это мой друг Виктор.

– А я Даша, – произнесла брюнетка. – А это моя подруга Лена.

– Очень приятно, – произнёс Николай Степанович, вытерев пот со лба. Он вдруг внезапно начал обильно потеть, чего раньше за ним не замечалось. – Как вам в наших краях?

– Красиво, – сдержанно ответила Лена.

Ионов стоял и смотрел непонимающим взглядом под капот.

– Ну что тут? – тихо спросил Берестов, подойдя к нему.

– Да-а, – протяжно ответил дед Витя, – это тебе не сто тридцатый «ЗИЛ».

– Ну что там, мальчики? – поинтересовалась обладательница красной шляпы.

– Свечи нужно смотреть, – деловито ответил Ионов.

– Ой, а это надолго? – спросила хозяйка чёрной шляпы.

– Ну, тут шесть цилиндров, стало быть, шесть свеч. Пока откручу, пока посмотрю, пока обратно закручу – думаю, полчаса минимум.

– Ой, как долго, – застонала Даша. – Я умру со скуки. Может, выпьешь со мной, Лен?

– Ты что, дура, я же за рулём!

– Может, вы тогда выпьете со мной? – обратилась она к Николаю Степановичу.

– Ага, – ответил тот, не прекращая потеть. – С превеликим удовольствием.

– Ну тогда и мне налейте, для лучшей работы мозга, – сказал дед Витя, прекратив изучать диковинное устройство автомобиля.

Даша мило улыбнулась, подошла к задней части машины, открыла багажник и извлекла на свет две поллитровые бутылки виски.

– Та-дам! – воскликнула она, подняв руки с бутылками вверх.

– А посуда у вас есть, не из горла же пить? – спросила Лена, обратившись к Ионову.

– Ты же за рулём? – поджав губы, произнесла Дарья.

– Так я чуть-чуть, пока машину починят, всё уже выветрится, – ответила она.

– Тогда пройдемте в дом, там чашки есть, – пригласил всех дед Витя.

Девушки улыбнулись и засеменили следом за Виктором Ивановичем. Берестов шёл позади, красный как рак, с глупой улыбкой на лице, и непрерывно потел. Тузик высунул нос из будки, проследил за двумя парами стройных женских ног, которые поднялись по ступенькам в дом, вдохнул аромат дорогих духов, чихнул и снова спрятался в будку.

Виктор Иванович достал четыре чашки, а Дарья водрузила на стол сосуды с алкоголем. В связи с отсутствием свободных стульев девушки присели на сундук, а дед Витя с Берестовым остались стоять. Николай Степанович ловко открыл бутылку и разлил по чашкам, не переставая при этом потеть.

– Ты бы телогрейку снял, а то мокрый весь, хоть выжимай, – шепнул дед Витя ему на ухо.

– Не могу, Иваныч, – так же тихо ответил тот.

– Почему?

– Это секрет.

– Давайте за знакомство, – весело произнесла Лена и стукнулась с каждым кружкой.

Выпили. Девушки зажмурились и скривили губки. Ионов шумно выдохнул. Николай Степанович занюхал рукавом телогрейки. Лена вдруг спросила: – Виктор, а вы один тут живёте?

– Один.

– А жена ваша где?

– Так развелись.

– А я тоже недавно развелась, – ответила девушка и хихикнула.

«Странные они какие-то, – подумал про себя дед Витя, – подозрительные и как будто не настоящие. Может, мошенницы? Подсыпят сейчас чего-нибудь в алкоголь, я усну, а они потом дом обчистят. А с другой стороны, чего у меня брать-то?»

– А давайте на брудершафт? – игриво предложила Лена.

Николай Степанович вытер рукавом телогрейки пот со лба, взял в руку бутылку с виски и вновь разлил по чашкам. Лена взяла чашку в правую руку, встала с сундука и подошла вплотную к Виктору Ивановичу. Ионов поднял руку с чашкой вверх и согнул её в локте, девушка проделала то же самое. Их локти переплелись. Они выпили горький напиток.

– А теперь положено поцеловаться, – произнесла девушка.

Ионов посмотрел на её красивые, пухлые и влажные от напитка губы. Они медленно начали приближаться к его лицу. Виктор Иванович закрыл глаза. Что-то влажное коснулось его щеки. «Странно, а почему не в губы?» – успел подумать он. Затем почувствовал прикосновение влажного языка на другой щеке. Действие повторилось снова и снова. Дед Витя открыл глаза и увидел перед собой волосатую морду Тузика, который лизал ему щёку. Не сразу поняв, что происходит, он позволил псу совершить это действие ещё несколько раз. Потом оттолкнул рукой собаку и огляделся по сторонам: он лежал на земле, неподалёку от собачьей будки, рядом с ним стоял взволнованный пёс, который активно вилял хвостом, радуясь, что хозяин пришёл в себя. На небе ярко светило солнце. Возле ступенек крыльца, свернувшись калачиком, лежал Берестов и на первый взгляд признаков жизни не подавал. Дед с трудом встал. Голова была тяжёлой и пульсировала болью при каждом шаге. Он подошёл к Николаю Степановичу, нагнулся над ним и принялся его тормошить. Тот недовольно замычал.

– Коля, очнись, – произнёс дед пересохшим ртом.

Берестов наконец открыл глаза и уставился на Ионову непонимающим взглядом. – Ты кто? – произнёс он.

– Хрен в пальто, – огрызнулся дед. – Девки где?

– Какие девки? – недоумённо спросил у него Берестов.

– Ну у которых машина сломалась?

– Какая машина?

Виктор Иванович посмотрел на дорогу за забором. Там, где ещё недавно стоял красный автомобиль, ничего не было.

– А ты чего тут разлёгся? – спросил дед зло.

– Я слоников ловил, – ответил по-детски Николай Степанович.

– Каких ещё слоников?

– Голубых, – ответил Берестов и сам понял, как это странно звучит. Он протёр глаза, привстал, похлопал себя по щекам, а затем произнёс: – Ох, Иваныч, неужели водка палёная? Это ж надо такому привидеться.

– Нормальная водка. Это всё таблетки твои галлюциногенные, – прикрикнул на него дед. – Это же надо, чуть не отравил меня, паскуда, хорошо хоть на тот свет не отправил.

– Так я же откуда знал, Виктор Иванович, – принялся оправдываться Берестов. – В газете же было написано, что от простатита.

– В газете, в газете, а ну пошёл вон отсюда со своей газетой!

– Иваныч, ты чего?

– Иди, говорю отсюда со своей газетой и таблетками, наркотики хренов, пока я тебе голову не оторвал!

– Ну хорошо, хорошо, иду, – произнёс Берестов, вставая на ноги. Он поправил на себе телогрейку и, кряхтя, двинулся к выходу со двора. Тузик вдогонку злобно гавкнул на него. Николай Степанович остановился возле калитки и, повернувшись, спросил: Иваныч, а что за девки-то тебе привиделись?

– А ну пошёл отсюда! – крикнул дед Витя, снимая с ноги ботинок и замахиваясь им в сторону соседа.

И потекла размеренная деревенская жизнь своим чередом. Николай Степанович всё так же заходил в гости, Тузик продолжал его не любить, Цыган и Кутузов считали себя королями деревни, а дед Витя нет-нет, да и вспоминает ту девушку в красном – плод его воображения.

Глава вторая

Новые жильцы

Маленький жёлтый автомобиль марки «Ока» шустро мчался по неровной грунтовой дороге, оставляя за собой огромный столб пыли. Извиваясь по полю, дорога спускалась к реке, на берегу которой стояла деревня Смородиновка. Увидев открывшийся пейзаж – семнадцать домиков, выстроенных в ряд, бескрайнее зелёное полотно и спокойная прозрачная река, – женщина, сидевшая за рулём, воскликнула:

– Красота то какая!

Ирина Николаевна Побелкина, водитель данного транспортного средства, была женщиной немного за пятьдесят. Насколько распространялось это «немного», зависело от воспитанности и фантазии окружающих. Она была женщиной среднего роста, не худой, но и не толстой, – можно сказать, обычной комплекции, с волнистыми тёмными волосами до плеч. Одевалась она всегда аккуратно, была подчёркнуто вежлива и предупредительна. Ирина Николаевна больше тридцати лет отработала учителем русского языка и литературы в одной из столичных школ. Однажды, устав от московской суеты, работы, внуков и других насущных проблем, она скооперировалась со своей давней подругой, и они вместе купили домик в деревне в Тульской губернии. И сейчас, крепко держа обеими руками руль, она мчалась навстречу тихому спокойному летнему отдыху.

Маленькое колёсико автомобиля угодило в большую яму, и машина сильно подпрыгнула правым боком.

– Э, аккуратней, я чуть потолок тебе головой не помяла, – раздался голос с заднего сиденья.

– Так сама видишь, какая тут дорога, – оправдалась Ирина Николаевна.

– Я из-за этих чемоданов ничего не вижу.

Подруга Побелкиной, женщина примерно того же возраста, что и учитель, ютилась в задней части автомобиля, среди многочисленных чемоданов, сумок и пакетов, которыми салон был набит доверху. Из-за неровностей дороги многочисленный скarb завалился на пассажирку и придавил её к правому боку автомобиля.

Нина Михайловна Штольц, давняя подруга Ирины Николаевны, была женщиной в теле, с сильными руками и короткой рыжей стрижкой волос. Говорила всегда властно, одевалась просто и практично. Нина Михайловна всю жизнь проработала участковым терапевтом поликлиники и на шестом десятке своей жизни, устав от всего и вся, написала заявление на увольнение, от души и обильно плюнула в лицо заведующей и умчалась за двести километров от дома.

Автомобиль выехал на единственную деревенскую улицу.

– Чуешь, чем пахнет? – спросила Ирина Николаевна, вдыхая запах природы через открытое окно.

– Ага, чую, говном, – недовольно ответила Штольц.

– Вот умеешь ты всё испортить, – принялась отчитывать её учитель. – Вдохни. Чуешь, пахнет свежескошенной травой, речкой, цветами?

– Нет, я чую только запах колбасы и сыра из пакета, который у меня под левым боком. Долго нам ещё ехать?

– Нет, вон наш дом, крайний.

Малолитражка подъехала к железному забору, за которым виднелся маленький деревянный одноэтажный домик, выкрашенный в зелёный цвет.

– Задом сдавай, – скомандовала Нина Михайловна, – так легче будет вещи носить.

Машина проехала вперёд, а затем, Побелкина, включив заднюю передачу, начала медленно сдавать назад.

– Ещё, ещё, – командовала терапевт, развернувшись на сиденье и смотря в заднее стекло. – Давай ещё чуть-чуть. Сейчас к самой двери подгоним, чтоб далеко не ходить.

– Это не дверь, это калитка, – поправила её Ирина Николаевна.

Сказать в ответ Штольц ничего не успела, так как в открытое окно залетела пчела и усе-лась прямо на её нос. Нина Михайловна с детства боялась пчёл и сейчас сидела, не в силах проронить хоть слово и пошевелиться. Её зрачки навелись в область кончика носа, наблюдая за насекомым. Раздался лёгкий удар заднего бампера об забор, пчела улетела, машина остано-вилась.

– Ну и что это было? – спросила учитель у подруги.

– Пчела.

– Какая пчела?

– Огромная! – эмоционально ответила Штольц и попыталась развести руки в стороны, дабы указать размеры насекомого, но до конца продолжить действие не смогла: ограничивали размеры автомобиля и мешали вещи.

– И что, ты её смахнуть не могла? Из-за тебя машину повредили.

– Ты же знаешь, что я очень аллергичный человек. А если бы она меня укусила? А вдруг после этого у меня бы начался анафилактический шок? В эту глушь пока скорая доедет, я уже пятнадцать раз помереть успею.

Обе женщины обиженно замолчали и продолжили сидеть в машине, не предпринимая никаких дальнейших действий. Парило – видимо, к дождю. Металлическая крыша автомо-биля быстро нагрелась под палящими солнечными лучами. В салоне автомобиля, несмотря на открытые окна, становилось невыносимо душно и жарко.

Мимо по дороге неспешно прогуливался Николай Степанович. Он шёл, насвистывая весёлую песенку. Заметив жёлтый автомобиль, он остановился напротив него и принялся без-застенчиво разглядывать машину и сидящую за рулём женщину. Женщины не видели его, так как их головы были от обиды повёрнуты в разные стороны, но никак не на дорогу. Поняв, что его не замечают, Берестов подошёл к машине и, наклонившись к окошку, произнёс: – Здрав-ствуйте!

– Ой, мамочки! – подпрыгнула от неожиданности Ирина Николаевна. – Здравствуйте!

– А вы, стало быть, новый жилец? – улыбаясь, спросил Николай Степанович.

– Да, – ответила учитель. Ей не очень хотелось общаться с данным субъектом. Она была поражена его бестактностью, но прервать диалог не могла из-за слишком правильного воспи-тания.

– Хороший дом, – сказал Берестов, расстегнув верхнюю пуговицу на телогрейке. – Здесь раньше бабка Тоня жила. Померла, правда. Долго мучилась, а смерть-то всё к ней не приходила. Помнится, пёс у Иваныча завыл ночью, я тут же и подумал, что преставилась бабка. Ну слава богу, как говорится, отмучилась, – с этими словами Николай Степанович перекрестился.

– Слышь, дед, – подала с заднего сиденья голос Штольц, не в силах слушать больше этот набор слов, – тебе чего надо?

Берестов только сейчас заметил, что в машине находится ещё один человек. Он вновь широко и нелепо улыбнулся.

– Да вот познакомиться хотел. Стало быть, соседи будем. Деревня-то небольшая, мы тут все друг друга знаем. Меня вот Николай Степанович зовут.

– Ирина Николаевна.

Штольц демонстративно промолчала.

Николай Степанович постоял ещё несколько секунд, а потом, поняв, что разговор закон-чился, отвесил полупоклон, развернулся и пошёл по своим делам.

- Странный какой-то, – произнесла тихо Побелкина.
- Ага, больной, – констатировала Нина Михайловна.
- С чего ты взяла?
- Вон в телогрейке в такую жару ходит и не потеет.
- Да, это не нормально. И как думаешь, чем он болен?
- Да ничего серьёзного, просто идиот.

Берестов, который успел отойти от машины метров на пять, внезапно развернулся и вновь зашагал к женщинам.

- Я извиняюсь, – произнёс он, подойдя, – но мне кажется, вы в забор врезались.
- Да ты что! – выпучив глаза, наигранно произнесла Нина Михайловна. – И как ты это понял?
- Ну как же, видно же, – ответил Николай Степанович. Он вдруг почувствовал какую-то неловкость в разговоре. – Может, помочь чем?
- Помоги. Помолись за нас.
- Я дико извиняюсь за свою подругу, – встряла в диалог Ирина Николаевна. – Спасибо за предложенную помощь, но мы справимся сами.

Берестов снова улыбнулся и зашагал прочь.

- Ты чего такая злая? – обратилась к ней с претензиями учитель.
- Я злая? Да я сама доброта!
- Ты же людей ненавидишь?
- Я? Да я их обожаю. Особенно после смены в поликлинике, когда примешь человек пятьдесят, выслушаешь все их жалобы, прям потом под вечер каждого встречного расцеловать от избытка любви хочется.
- Но ты же уже не работаешь?
- Но память-то во мне жива!
- Это называется профдеформация, – произнесла Ирина Николаевна.
- Хватит умничать, пойдём уже заселяться, – сказала Штольц.
- Побелкина завела машину и отъехала на два метра от забора. Затем вышла из неё и помогла выбраться подруге. Женщины обошли автомобиль и осмотрели задний бампер. На нём красовалась внушительная трещина.
- Фигня, – сказала Нина Михайловна, – скотчем заклеим, и как новенькая будет.
- Ну да, – тяжело вздохнула учитель.

Следующие два часа женщины были заняты тем, что перетаскали вещи в дом, вымыли окошки, полы и заварили ароматный чай. Уютно расположившись на небольшой кухоньке, Штольц и Ирина Николаевна пили чай с печеньями. За окном на улице заметно потемнело, небо заволокло тучами, и в деревне наступила тишина. Совсем близко сверкнула молния. Спустя пару секунд раздался раскат грома такой силы, что стёкла в окошках зазвенели. Женщины от неожиданности подпрыгнули. Сразу и без предупреждения на деревню обрушился ливень. Стремительные капли дождя прибивали летнюю пыль, громко стучали по крыше, скользили по стёклам окон.

- Ну вот, дождь пошёл, – грустно произнесла Ирина Николаевна.
- А что тебе дождь? – спросила подруга.
- Да на речку хотела сходить, а теперь дома до вечера придётся сидеть.
- А может, бахнем, так сказать, новоселье отметим? – подмигнув, предложила Штольц.
- Побелкина удивлённо на неё взглянула.
- У меня как раз бутылочка завалялась, больной один в знак благодарности дарил, вот мы её сейчас и употребим, – произнесла Нина Михайловна и удалилась в комнату – искать в своих обширных сумках заветный презент.

Через пару минут поисков и ругани женщина вернулась на кухню и гордо водрузила на стол бутылку коньяка.

– Армянский, – пояснила Нина Михайловна, откупоривая ёмкость. – «Шираз» называется.

– Ованес Шираз был классик армянской поэзии, – просветила подругу Побелкина, наблюдая, как та наполняет рюмки.

– Ну тогда за поэзию, – предложила тост Нина Михайловна, поднимая рюмку.

Женщины чокнулись и выпили. Дождь за окном усилился.

– Помнится, работала я с одной коллегой в молодости, – начала рассказывать Штольц, громко хрустя печеньем, – так вот она очень выпить любила. Ну чуть ли не каждый день в больницу пьяненькая приходила. И ведь что самое удивительное: не пахло от неё спиртным. Ходила весёленькая, розовенькая, видно, что только недавно на грудь приняла. Ей заведующая говорит: дыхни, она дышит, а запаха алкоголя нет.

– А такое возможно? – удивлённо спросила Ирина Николаевна.

– Возможно. Правда, потом секрет-то её раскрылся. Она поутру водку через клизму вводила.

– Это как?

– В грушу наливала и в прямую кишку вставляла. Алкоголь там всасывался, дамочка эта получала нужный эффект, а изо рта выхлоп нулевой.

– Ужас какой! И что потом с ней стало?

– Да ничего, – ответила терапевт, вновь наполняя рюмки. – Попросили её вежливо на работу больше пьяной не приходите, она обиделась и уволилась. Сейчас в платной клинике работает. А что, специалист-то она хороший, несмотря на пагубную привычку.

Побелкина взяла в руку рюмку и спросила:

– За что пьём?

– А за новоселье.

Выпили. Голова у Ирины Николаевны зашумела и слегка закружилась. Дело в том, что учитель употребляла алкоголь мало, в основном по праздникам. Один бокал шампанского на Новый год, один на день рождения и один на День учителя, вот в основном её привычные дозировки. Встречаясь с подругой, могла позволить себе выпить пару бокалов красного полусладкого вина, но не больше. Крепкие напитки не жаловала и пила их крайне редко, так как быстро пьянела, наутро мучилась головной болью и похмельем. Была и ещё одна причина. В пьяном состоянии, Ирина Николаевна срывала с себя маску культурной и интеллигентной женщины и могла вытворять немыслимые вещи, за которые на следующий день ей было очень стыдно. И что самое страшное – Нина Михайловна, которая употребляла алкоголь любой крепости в больших количествах, всегда поддерживала Побелкину во всех её пьяных безобразиях.

Дождь на улице стих, оставив после себя сырость и прохладу.

– А ты знаешь, мне здесь начинает нравиться, – сказала Ирина Николаевна.

– Мы для того этот дом и купили и приехали сюда, чтоб нам нравилось, – произнесла Штольц.

– Нет, ты не поняла. Послушай, что слышишь?

Нина Михайловна внимательно прислушалась, но ничего, кроме падающих капель с крыши, не услышала.

– Ничего не слышу, – честно призналась подруга.

– Вот! – подняла указательный палец вверх учитель. – Тишина. Тишина и свобода. Благодарить. Ты представляешь, завтра не вставать в шесть утра, не идти на работу, не стоять в пробках, не рассказывать одно и то же из года в год нерадивым ученикам. И здесь я могу делать что хочу, и никто меня не осудит, потому что никто здесь меня не знает.

– Эка тебя понесло, мать.

- А что, я разве не права? – подперев ладонью подбородок, спросила Побелкина.
- Права, права. Давай за это выпьем.
- За что – за это?
- За свободу.

Нина Михайловна налила коньяк, и учитель махом опрокинула жидкость в себя, после чего стеклянным взглядом уставилась в окно.

- Ты чего, мать? – спросила Штольц, помахав рукой возле лица Ирины Николаевны.
- Дождь.
- Чего дождь?
- Кончился.
- Да, кончился.

– А вот не помню, закрывала я в машине окна или нет.

– И я не помню, – произнесла подруга.

– А если не закрыла, там же всю машину залило, – запричитала Побелкина, схватившись руками за голову.

– Прекрати ныть, – одёрнула её Нина Михайловна. – Сейчас пойдём и глянем, чего гадать-то.

Женщины резко встали и выбежали во двор.

– Кыс-кыс-кыс, – произнесла Ирина Николаевна, увидев чёрного кота, пробегающего мимо.

Это был Цыган. Дело в том, что этот кот жил в деревне уже добрых пять лет у деда Вити. Как он попал в деревню, никто не знает, да и само животное не помнит, так как было глупым несмышлёным котёнком. С тех пор он заметно вырос, осмелел, обнаглел. Цыган считал себя старожилом и поэтому ходил где хотел. Тех котов, которые с этим были не согласны, он нещадно бил. Иногда доставалось и собакам. Кот остановился, посмотрел недовольно на женщину и продолжил путь, безгловитно ступая лапками на мокрую траву.

– Отстань от животного, – осадила её Нина Михайловна.

Побелкина шумно и демонстративно вздохнула и пошла следом за подругой к машине. К радости обеих женщин, окна малолитражки были закрыты. Учитель любовно погладила крышу машины, смахнула с неё капли дождя. После жаркого дня на улице было свежо и тихо. Весело квакали лягушки у реки.

– А поехали, покатаемся! – вдруг предложила Ирина Николаевна.

– Ты чего, с ума сошла, что ли? – выпучив глаза, произнесла Штольц.

– А чего такого?

– Мы же пьяные!

– Так деревня же, полиции нет, никто не узнает; посмотри вокруг – красота какая, – заканючила Побелкина.

– Слушай, Ир, откуда у тебя появилась такая тяга к правонарушениям? Я раньше что-то за тобой этого не замечала. Или это на тебя так коньяк подействовал?

– Скорее свежий воздух, – ответила Ирина Николаевна. – Давай прокатимся, чуть-чуть, – продолжила она уговаривать подругу.

– Нет, – ответила Штольц, но уже не так решительно.

– Ну пожалуйста! Откроем окна, врубим музыку и прокатимся с ветерком по деревне! Я раньше такое только в фильмах видела и всегда завидовала. Может, я умру скоро, а это так и не попробую. Мне так надоело всю жизнь жить по правилам и постоянно думать, как бы кто про меня плохое не сказал.

– Так, этому столик больше не наливать, – сказала доктор и принялась оттаскивать подругу от машины.

– Ну Нинуль, – жалобно произнесла Побелкина, склонив голову набок.

– Ладно, – сдалась Штольц. – Один раз вдоль деревни, туда и обратно.

– Ура! – воскликнула Ирина Николаевна, открывая дверь автомобиля.

– Но только музыку не громко, и прокатимся не с ветерком, а не спеша, – дала последние наставления Нина Михайловна, садясь рядом на пассажирское сиденье.

Побелкина повернула ключ в замке зажигания. Стартер начал лениво крутиться, но автомобиль заводиться не желал.

– Ну чего ты, маленькая, – начала приговаривать Ирина Николаевна, глядя рукой руль. – Ну давай, мелкая, заводись.

– Думаешь, это поможет? – критично спросила Штольц, глядя на эту картину.

– А то, – ответила подруга. – К машине надо тоже с любовью, тогда и она тебе взаимностью ответит.

Словно в подтверждение этих слов маленький моторчик завёлся и затарахтел.

Ирина Николаевна газанула, подмигнула подруге со словами: – Врубай музыку!

Машина, пробуксовав по мокрой траве, пошла юзом, но водитель ловко выкрутила руль и под задорную песню понеслась по деревне.

«Мчимся мы по неровной дороге», – орала магнитола.

Побелкина, громко подпевая, небрежно держалась за руль.

– Рёв мотора и шелест колёс, – подхватила Нина Михайловна. Она выставила руку в окно, навстречу ветру.

– Поворот, торможу, но в педалях запутались ноги, – пели подруги уже вместе.

Неожиданно передние колёса проскользнули по тонкому слою грязи, образовавшейся на грунтовой дороге после дождя. Ирина Николаевна не справилась с управлением, и автомобиль понесло на ближайший забор. Ближайший забор оказался забором Виктора Ивановича. Побелкина отчаянно крутила руль, но машина, съехав на мокрую траву, перестала реагировать на действия водителя и зажала своей жизнью. Раздался короткий и громкий БУМ.

Тузик не любил транспортные средства, работающие на двигателе внутреннего сгорания. Не то что бы боялся, но относился с опаской. Громкий звук мотора противно резал собачий слух, а от выхлопных газов свербил в носу. То ли дело велосипед – тихий, компактный и в случае чего легко догоняемый. У деда Вити, помимо велосипеда, имелся мотоцикл. Старенький «Днепр» тёмно-зелёного цвета. Как-то раз он решил взять Тузика покататься. Посадив ничего не подозревающего пса в коляску, дед прокатил его по деревне с ветерком. Тузику поездка, мягко говоря, не понравилась, и с тех пор он зарёкся машины и мотоциклы обходить стороной. Поэтому, услышав рёв двигателя и звук удара, пёс решил спрятаться поглубже в будку, от греха подальше.

Мотор «Оки» заглох. Ирина Николаевна, вцепившись мёртвой хваткой в руль, стеклянными глазами смотрела через лобовое стекло на забор. Из магнитолы продолжалась песня: «И машина летит под откос...» Штольц выключила магнитолу и, отправившись от первого шока, произнесла:

– Ну ты, блин, Шумахер. Две аварии за день.

Учитель в ответ лишь икнула. Такое с ней бывало только в минуты сильного волнения. Икота накатывала моментально, и прекратить её потом было довольно трудно.

– Что, ик, делать-то будем, ик? – сказала Побелкина.

– Чего-чего – с хозяином разбираться, – ответила Нина Михайловна, выйдя из машины.

Калитка отворилась, и показался Ионов. Он молча смерил взглядом Штольц, оглядел машину и оценил повреждения забора. Повреждения были пустяковыми – так, сломана пара досок. Да и у машины последствия были не тяжелее: небольшая вмятина слева. Удар всё-таки был не сильным.

– Здравствуйте! – дружелюбно произнесла Нина Михайловна, включив всё свое женское обаяние.

– Здравствуйте, ик, – подключилась Побелкина. – А мы тут, ик, покататься решили, ик.
– Я уж вижу, – сердито ответил дед Витя.
– Давайте не будем раздувать катастрофу, ничего же ведь страшного не случилось, – сказала Штольц.

– Да-да, ик. Главное, ик, что все живы, – пришла на помощь подруге учитель.
– Ну я не был бы так уверен, – недовольно произнёс дед Витя.
– Как? Ик? Почему? Ик. Кто? Ик.
– Собака моя.
– Где? – прокричали в один голос подруги. Штольц присела, пытаясь разглядеть под колёсами машины животное, а Ирина Николаевна, ритмично икая, вышла из автомобиля.
– Да в будке, – улыбаясь, ответил Ионов.
– Кто, ик, в будке?
– Собака моя.
– А что она там делает? – непонимающе спросила Нина Михайловна.
– От вас прячется, – огрызнулся дед. – Псина она у меня впечатлительная, могло и сердце от страха остановиться.

Ирина Николаевна с подругой строго посмотрели на деда Витю, а потом улыбнулись.

– Ну и шутки, ик, у вас, ик.
– Вы нас уж извините, – сказала Штольц, – забор мы вам обязательно починим.
– Ну а куда вы денетесь, – произнёс Ионов.
– Меня, кстати, Нина Михайловна зовут, – решила представиться Штольц.
– Виктор Иванович.
– Ирина, ик, Николаевна.
– Я так понимаю, вы новые жильцы?
– Да, – кивнули подруги.
– Ну что ж, будем знакомы.
– Будем, – произнесли в унисон женщины.

Виктор Иванович постоял ещё немного, подумал о чём-то, а затем произнёс:

– Ладно, давайте вашу машину вызволять.
– Давайте, ик, – сказала Ирина Николаевна, снова сев в машину.
– Нет, нет, нет, – категорично заявил Дед Витя. – Я поведу. Вам в таком состоянии за руль нельзя.

– В каком, ик, состоянии? Я себя довольно-таки хорошо чувствую.

– В пьяном состоянии! – пояснил Ионов.

– Так мы-то выпили всего чуть-чуть, так, за проезд и новоселье, – заступилась за подругу Нина Михайловна.

– Это вы собаке моей рассказывать будете и участковому, если он, не дай бог, узнает. А пьяный за рулём – преступник.

Побелкина вмиг покраснела и, потупив взгляд, вышла из машины, уступив место Виктору Ивановичу. Ионов втиснулся в автомобиль, отодвинул немного назад сиденье, завёл мотор и аккуратно сдал назад.

– Я к вашему дому подгоню, – пояснил он.

– А мы? – спросила Штольц, намереваясь вместе с подругой сесть в машину.

– А вы пешком пройдётесь, уроком вам будет, – ответил Ионов и медленно поехал к дому женщин.

– Какой мужчина! – восхищённо произнесла Нина Михайловна, глядя на удаляющуюся машину.

– Ик, – согласилась с ней подруга.

Они медленно пошли к своему дому, спотыкаясь и держась друг за друга. Погода после дождя была прекрасная: комфортная температура, свежесть уходящего дня, квакающие лягушки на реке. Побелкина шла и икала через равные промежутки времени. Нина Михайловна периодически пыталась освободиться от налипшей на обувь грязи. Возле дома их встретил дед Витя и протянул ключи от машины Побелкиной.

– Спасибо вам, ик, – беря ключи, произнесла учитель. – Признаться, мне очень, ик, стыдно.

– Стыдно, когда видно, а у нас всё прикрыто, – сказала Нина Михайловна и громко засмеялась.

– Вы её извините, ик, стресс, – попыталась оправдать подругу Ирина Николаевна.

– Да ерунда, – махнул Виктор Иванович рукой и отправился к себе домой.

* * *

Тузик лежал в будке, высунув передние лапы и голову наружу, и задумчиво смотрел на луну. Мимо, громко жужжа, пролетело какое-то насекомое. Собака резко повернула голову, щёлкнула пастью, пытаясь поймать нахала, нарушившего её покой, но поймала лишь пустоту. Вот и прошёл ещё один день его собачьей жизни. День как день, ничего особенного, не лучше и не хуже, чем все предыдущие. Но вот авария Тузика, конечно, напугала. Просидев для верности пару часов в будке, псу к вечеру всё-таки пришлось выйти наружу, так как приходил Николай Степанович, и нужно было обязательно высказать своё недовольство по этому поводу в виде лая. Берестов долго охал, рассматривая повреждённый забор, о чём-то недолго поговорил с дедом Витей и, стрельнув у него папиросу, ушёл.

Мимо, жужжа, снова пролетел неизвестный. На этот раз пёс его проигнорировал. В окнах хозяина мелькали неяркие вспышки света. «Телевизор смотрит», – подумал про себя Тузик. Пёс положил морду на вытянутые передние лапы, широко зевнул, закрыл глаза и уснул.

Глава третья

Адвокат

Иван Семёнович Хитров, высокий крупный мужчина сорока пяти лет с солидным животом, стоял на мостике и деловито смотрел вдаль, на противоположный берег реки. Лицо его было крупным, мясистым, нос картошкой, глаза маленькие, хитрые. На затылке, среди аккуратной стрижки волос, начала зарождаться лысина, которая беззастенчиво была подставлена утреннему солнцу. Сладко потянувшись, Хитров развязал пояс, затем сбросил с себя шёлковый халат и, перекрестившись, прыгнул в воду. Вода возле мостика всколыхнулась, миллиарды брызг разлетелись во все стороны, где-то вдали залаяла собака.

Иван Семёнович был очень солидный столичный адвокат. Пару лет назад он купил в деревне домик, который на тот момент представлял собой ветхое жилище. Всего за год это строение превратилось в небольшой дворец с высоким каменным забором, статуями во дворе и небольшим фонтанчиком. Хитров старался периодически выбираться в Смородиновку и делал это практически каждые выходные. А летом среди плотного рабочего графика выделял недельку-другую и отдыхал тут душой и телом. Но больше, конечно, телом, так как в адвокатской среде меж его коллег ходил слух, что души-то у Ивана Семёновича как раз и нет.

Наплававшись, Хитров неуклюже взобрался на мостик, тяжело дыша вытер своё тело большим хлопковым полотенцем и надел халат. Затем сел на небольшой раскладной стульчик со спинкой. Тот жалобно затрещал под адвокатом. По правую руку от стульчика, стоял небольшой хрустальный графинчик с коньяком, бокал и маленькое блюдце, с нарезанным дольками лимоном. Иван Семёнович взял в руки графин, налил в бокал спиртное, посмотрел, как солнечные лучи играют в напиток, поднёс к носу, вдохнул аромат и затем залпом выпил. Он закусил долькой лимона, затем скрестил руки на животе и принялся наслаждаться новым днём.

– Доброго утречка, Иван Семёнович! – раздалось из-за спины адвоката.

Хитров повернул голову, но угла обзора не хватило, чтобы увидеть говорящего. Пришлось повернуть и туловище. Это был Берестов, как всегда жизнерадостный и в своей неизменной телогрейке.

– Доброе, Степаныч, – ответил адвокат.

– Какое чудесное утро, не правда ли? – произнёс Берестов, шумно вдохнув ноздрями воздух.

– Верно говоришь, – ответил Хитров, отвернувшись.

– А знаете, что вчера произошло? – задал вопрос Николай Степанович, подойдя поближе.

– Что? – нехотя спросил адвокат.

– К нам же вчера жилыцы новые приехали.

– Кто?

– Две барышни.

– Барышни, говоришь? – сказал Иван Семёнович и взял в руку графин. – И что за барышни, красивые?

– Обычные, вам такие не интересны будут.

Хитров наполнил бокал и не спеша выпил. Берестов, переминаясь с ноги на ногу, продолжил:

– А знаете, что они учудили?

– И что же? – спросил Хитров, закусывая лимоном.

– Да форменное безобразие, Иван Семёнович. Напились, а потом сели за руль и протаранили забор Виктору Ивановичу.

– Деду Вите, что ли?

– Ну да.

– Дела, – протяжно произнёс Иван Семёнович, прикрыв глаза и откинувшись на спинку стула.

Берестов постоял немного, подбирая слова, а затем выдал: – Может, вы поможете чем, Иван Семёнович?

– Чем? – спросил Хитров, резко открыв глаза.

– Ну как же, вы адвокат знатный, про вас такое говорят...

– Какое такое?

– Исключительно положительное.

– Ну-ну.

– Так вот, – продолжил Берестов, – Виктор Иванович у нас душа добрая, махнул рукой на забор, дескать, сам почию. А я вот что подумал: нельзя ли как-нибудь помочь соседу, взыскать, так сказать, компенсацию за ущерб с этих гонщиц?

– Да можно и взыскать, – лениво ответил Иван Семёнович. – Езда в пьяном виде – раз, порча чужого имущества – два. Машина их где?

– Так возле их дома.

– Оставление места ДТП – это три. Дело-то перспективное. Только вот есть одно «но».

– Какое же?

– Я же ведь на отдыхе. И мне это не очень интересно.

– Ну как же, мы же соседи, – просяще сказал Николай Степанович.

Хитров вновь наполнил бокал коньяком, вздохнул и выпил. Затем, взяв дольку лимона в руку, начал говорить: – Ну смотри: если предложить твоим барышням не доводить дело до суда, ведь в случае чего им грозит лишение прав и штрафы, то можно содрать с них приличную сумму. Я могу с ними поговорить, надавить на что нужно.

– Поговорите, надавите, – заискивающе сказал Берестов.

– Но при одном условии.

– Каком?

– Пятьдесят процентов мне.

Николай Степанович махнул рукой и радостно произнёс:

– Конечно-конечно, мы всё понимаем. Я думаю, Виктор Иванович согласится.

– Ну вот, иди, объясни всё деду Вите, и если он согласен, пускай ко мне вечером зайдёт, мы с ним этот вопрос обсудим.

– Конечно-конечно.

Хитров прожевал лимон, вновь откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Николай Степанович стоял и смотрел на адвоката.

– Николай, – произнёс Хитров.

– Да-да, Иван Семёнович?

– У тебя остались ещё ко мне какие-то вопросы?

– Нет.

– Ну тогда я тебя больше не задерживаю.

Берестов молча кивнул и с глупой улыбкой на лице удалился. Иван Семёнович, наконец-то оставшийся в одиночестве, сразу погрузился в сон и громко, раскатисто захрапел.

* * *

Ирина Николаевна открыла глаза и попыталась понять, где она находится. Вокруг всё было чужое и незнакомое. Она лежала на кровати в маленькой комнате. Напротив неё на стене висел портрет Ленина, выполненный масляными красками. Голова болела, во рту пересохло. С минуту она лежала, глядя на Владимира Ильича, а потом всё вспомнила. Вспомнила приезд в деревню, дождь, коньяк и аварию. Ей стало очень, очень стыдно. Побелкина медленно встала

с кровати и вышла в коридор. Заглянула в соседнюю комнату, где должна была находиться Штольц, но там было пусто. Опираясь рукой на стену, не спеша дошла до кухни.

На кухне за столом сидела Нина Михайловна с опухшим лицом. На белой обшарпанной тумбочке стояла электрическая плитка, на которой кипел чайник.

Электрические плитки были почти у всех жителей деревни. Ну а на чём ещё готовить, если нет газа? Нет, газ-то, конечно, был в нескольких километрах от деревни, но администрация района посчитала, что газифицировать деревню нерентабельно. Домов мало, половина жителей приезжает только летом, а дедушки и бабушки уже давно привыкли зимой греться дровами да электричеством. Единственный человек, у которого был газ, – это Хитров. Газ ему привозили в газовых баллонах.

– Кофе будешь? – заметив подругу, спросила Штольц.

– Мне бы воды, – жалобно ответила Ирина Николаевна.

– В холодильнике минералка.

Ирина Николаевна открыла дверцу холодильника, достала холодную полуторалитровую бутылку минеральной воды, открутила пробку и налила в прозрачный стакан. Затем жадно начала поглощать напиток. Штольц сняла чайник с плиты и налила в чашку, в которую уже предварительно была брошена ложка кофе. Побелкина, выпив воды, почувствовала себя немного лучше и присела за стол напротив подруги.

– Нин, мне очень, очень, стыдно, – произнесла она, наблюдая за тем, как Штольц сосредоточенно мешает ложкой кофе.

– За что? – спросила Нина Михайловна, подняв на подругу глаза.

– За вчерашнее.

– Ой, да подумаешь. Ну выпили чуть-чуть, ну на машине прокатились. Твоя, кстати, была идея.

– Вот за это и стыдно. Мы же в забор к человеку въехали. Да ещё и пьяные. Что о нас люди подумают?

– Да плевать, что подумают, – ответила Нина Михайловна, делая глоток кофе. – Если жить только для того, чтобы всем нравиться, то можно сойти с ума.

– Ну так же нельзя! – встрепенулась Побелкина.

– Что нельзя?

– Мы вчера повели себя безрассудно.

– Не мы, а ты, – поправила её Нина Михайловна, разворачивая конфету и отправляя её в рот.

– Как же, мы же вместе были?

– Ну да, были вместе, а вела себя безрассудно ты.

– А ты?

– А для меня это норма, я себя всегда так веду.

– Вот поэтому муж от тебя и ушёл, – обвинительно закричала Ирина Николаевна.

– Ага, а твой от твоей правильности умер, – парировала Штольц.

Побелкина всхлипнула и громко зарыдала. По её щекам текли огромные слёзы. Нине Михайловне стало стыдно.

– Ну ладно тебе, Ир, прости дуру. Ну не плачь.

– Я не плачу, – ответила Побелкина, зарыдав ещё сильнее.

– Ир, ну прости. Хорошая ты была жена, хорошая. Ну так уж получилось, кто-то раньше умирает, кто-то позже.

– Я знаю.

– А чего тогда плачешь?

– Мужа вспомнила. Да и с Виктором Ивановичем нехорошо получилось, – произнесла учитель сквозь слёзы.

– Ну да, – заметила Штольц. – Мужик вроде нормальный, надо будет заглянуть, по-человечески извиниться.

– Но только так, чтобы он понял, что мы нормальные интеллигентные люди, – сказала Побелкина, вытирая слёзы.

– И как же это сделать?

– Не знаю, – ответила Ирина Николаевна, беря в руки конфету.

– Может, пирог испечь?

– На электрической плитке?

– Ну да, ну да. Тогда просто зайдём, извинимся ещё раз, бутылочку коньяка презентуем, – предложила Штольц.

– Где же мы его возьмём? – задала вопрос Ирина Николаевна.

– Так у меня есть.

– То есть вчерашняя бутылка коньяка была не единственная? – спросила Побелкина, глядя в глаза подруге.

– Нет, конечно.

– Таак, и сколько же ты с собой взяла?

– Немного. Так, на первое время. Не сидеть же здесь на сухую, – возмутилась Нина Михайловна.

– Учти, я больше пить не буду, вчера это была минута слабости, – заявила учитель.

– Тебе никто и не предлагает, – сказала Штольц.

– Ладно, – примирительно произнесла Ирина Николаевна, – в обед, думаю, заглянем в гости к Виктору Ивановичу.

– Отчего же не сейчас?

– Ну как, – удивилась подруга, – надо же привести себя в порядок. Не пойдём же мы с тобой как две сухие мочалки.

* * *

Кутузов лежал в помидорах, спрятавшись под тенью растений от палящего солнца. Рядом раздались шаги. Кот повернул уши в сторону звука. Шаги раздавались всё ближе и ближе. Нехотя и лениво животное открыло единственный глаз.

– Ну, что разлёгся? – сказал дед Витя коту.

Кутузов в ответ широко зевнул, потянулся и сел на задние лапы. Дед наклонился и сорвал два зелёных помидора.

– Мяу, – протяжно издало звук животное.

– Ну чего «мяу», чего «мяу»? – начал ругаться на него Ионов. – Сколько раз тебе говорил, не лежи на грядках. Вот и вся шерсть в земле теперь.

– Мяу, – повторил Кутузов.

– Мяу да мяу, – передразнил его дед, – жрать небось хочешь?

– Мяу.

– Ну терпи до обеда, ты и так завтракал, а я ещё нет. На крайний случай мышку какую-нибудь поймай.

– Мяу, – мяукнул Кутузов и побежал за удаляющимся хозяином. Тузик, растянувшись на земле возле будки, смотрел за этой погоней. Дед Витя вошёл в дом и закрыл дверь прямо перед носом кота. Кутузов удивлённо посмотрел на внезапно возникшее препятствие, немного подумал и не нашёл ничего лучше, как начать жалобно мяукать. «Вот ведь бестолковое животное», – подумал пёс. Затем громко вздохнул, подняв маленькие облачка пыли напором воздуха из ноздрей, и прикрыл глаза. Было жарко. Не хотелось ничего, даже гавкать.

Войдя на кухню, Ионов первым делом положил зелёные помидоры на подоконник, а взамен взял один красный. Включил плитку, поставил на неё сковородку, налил в неё подсолнечного масла. Затем достал из холодильника три куриных яйца, разбил скорлупу и вылил содер-

жимое на сковороду. Нарезал помидор на кусочки и высыпал их в яичницу. Присев на сундук в ожидании готовящегося завтрака, задумался, чем бы сегодня заняться. Нужно было поправить сломанные доски в заборе, возникшие после вчерашнего наезда. Ещё необходимо наконец заделать дыру в туалетной двери. Ионов взглянул в окно на изнывающего от жары пса и подумал: «Туалет-то позади дома, и дверь выходит на поле, где редко кто-то ходит. Значит, дверь может и подождать. Выходит, на сегодня только забор: уж больно день жаркий для двух дел сразу».

Ионов снял с плиты яичницу, поставил сковороду на деревянную подставку на столе, затем зачерпнул из банки соль и посыпал блюдо. Внезапно вспомнив, что забыл нарвать свежего лука, дед Витя стремительно покинул кухню. Во дворе ему попался под ноги Кутузов, который высказал свои претензии к хозяину громким «мяу».

– А ну пошёл отсюда! – прикрикнул на него Ионов. – Мяу, мяу – ходишь тут, бездельник, мешаешься.

Тузик поспешил спрятаться в будку. Дело в том, что Виктор Иванович обладал крутым нравом и легко выходил и себя. В случае чего, в карман за словом не лез, да порой и за кулаком тоже. Когда Ионов был голоден, то его и так непростой характер становился на несколько порядков хуже. В такие моменты под удар попадали все, кто находился в пределах видимости. Тузик, наученный горьким опытом, знал это не понаслышке и предпочитал пережидать такие эпизоды где-нибудь в укрытии. Укрытием обычно была будка. Пёс знал, что надо всего лишь подождать, когда хозяин наполнит желудок. После еды дед Витя становился добрым и философски настроенным.

Ионов быстрым шагом направился к грядкам с луком, а кот, явно недовольный, что читалось по его морде, отошёл в сторону, присел на задние лапы и обиженно отвернулся. Тузик, заметив через проём будки ноги хозяина, который вернулся в дом, вновь выбрался наружу. Всё-таки в деревянной конуре было жарко и душно, а во дворе нет-нет, да и подует ветерок. Пёс в очередной раз широко зевнул, чуть не проглотил пролетающую мимо муху и вновь улёгся на пыльную землю. А ведь когда-то возле будки росла трава, но пёс за годы проживания начисто её вытоптал. Собака прикрыла глаза и задремала.

Неизвестно, сколько дремал пёс, – может час, а может, и два, но внезапно его разбудили шаги вдалеке. Тузик открыл глаза и повернул голову в сторону источника звука. Шаги приближались и затихли возле калитки. Она отворилась, и в проёме показались Побелкина с подругой. Пёс ещё не решил, как относиться к этим людям – с опаской, злобой или безразличием. «Что же делать? – промелькнула мысль в голове у собаки, – загавкать или спрятаться?»

Нет, Тузик не был трусом, но хорошо помнил вчерашние события. Так ничего толком и не предприняв, собака села на задние лапы и уставилась на вошедших.

– Да проходи давай, – подтолкнула кулаком в спину подругу Нина Михайловна.

Побелкина сделала два нерешительных шага по двору.

– Может, надо было постучаться, прежде чем входить на чужую территорию? – спросила она.

– Куда стучаться-то? – произнесла Штольц. – вот сейчас к дому подойдём, тогда и постучимся. Да и вообще в деревне стучаться не принято.

– А ты откуда знаешь, ты же в городе всю жизнь прожила?

– Да уж знаю. Я всё детство у бабушки с бабушкой в деревне провела.

– А как же тогда хозяев оповещать о своём прибытии?

– Ртом.

– В смысле ртом? – удивилась Ирина Николаевна.

– В прямом. Орать надо, – ответила подруга.

Побелкина, подталкиваемая крепкой рукой Нины Михайловны, сделала ещё пять шагов по двору, а затем остановилась как вкопанная.

– Ты чего? – спросила Штольц, пытаясь сдвинуть подругу с места.

– Собака.

– Какая собака?

– Вон, – указала пальцем на Тузика Побелкина.

Тузик сидел и молча наблюдал за происходящим, лишь слегка склонил голову набок и припустил одно ухо.

– Ну собака и собака, – взглянув на пса, произнесла Нина Михайловна, – что с того?

– А вдруг она укусит, вон какая большая! – ответила Ирина Николаевна.

– Да какая же она большая, обычная. Возможно, даже маленькая. Практически щенок.

Тузика не понравилось, что его обозвали щенком. Он-то считал себя вполне солидным, взрослым псом. Собравшись с духом, Тузик громко и звонко гавкнул.

– Ой, – взвизгнула Побелкина и приготовилась бежать.

На звук собачьего лая из дома вышел Ионов. Кого-кого, а женщин у себя во дворе он увидеть не ожидал.

– Здравствуйте, Виктор Иванович, – натянув улыбку на лицо, произнесла Нина Михайловна.

– Здравсте, – ответил дед Витя.

Побелкина стояла вся бледная и попеременно смотрела то на собаку, то на Ионов.

– Вы не бойтесь Тузика, он по вторникам не кусает, – перехватив взгляд женщины, произнёс Виктор Иванович.

– Так сегодня же среда? – ошарашенно произнесла Ирина Николаевна.

– Среда? – задумчиво произнёс дед Витя. – Надо же, как время летит.

– Мы извиниться пришли, – попыталась прояснить ситуацию Штольц.

– Так вчера вроде извинились? – удивился Ионов.

– Да вот, Ирине Николаевне показалось, что вчера мы были недостаточно искренни, – подколола Штольц подругу.

– Ой, да бросьте, – махнул рукой Виктор Иванович, облокотившись на стену дома. – С кем не бывает. И сам порой спьяну такое отчебучу.

– Нет, вы не поняли, – наконец заговорила Побелкина, мы так-то не пьём. Просто вчера так получилось: приезд, свежий воздух, вот бес и попутал.

– И за забор нас извините, – подхватила Штольц.

– Да что забор, – вновь махнул рукой Ионов, – забор починится. Главное, что все живы. Правда, Тузик?

– Гав! – утвердительно пролаял пёс.

– Да вы не бойтесь его, – заметив испуг в глазах Ирины Николаевны, – сказал Виктор Иванович. – Тузик у меня пёс добрый, без моего разрешения никого не укусит.

– Вы ведь ему не разрешите? – наивно спросила Побелкина, слегка улыбнувшись.

– Сегодня точно нет.

– А мы к вам с небольшим презентом, – произнесла Нина Михайловна, достав из-за спины бутылку коньяка. – Так сказать, в качестве искренности наших извинений.

– Ой, да не стоило, – засмутился дед Витя.

– Да берите, берите, у нас ещё много осталось, – сказала Штольц и тут же осеклась.

Ирина Николаевна осуждающе взглянула на подругу. Дед Витя улыбнулся, подошёл к женщинам и взял протянутую ему бутылку.

– Ну спасибо, честно говоря, не стоило, – проговорил Ионов.

– Может, вам чем-нибудь с забором помочь? – спросила Ирина Николаевна.

– Ой, да что там забор. Дерево и дерево. Починится. А вот за подарок спасибо, честно говоря, не пробовал такого, – ответил Виктор Иванович, разглядывая этикетку.

Побелкина стояла и нелепо улыбалась.

– Может, вас чаем угостить? – предложил Ионов.

Нина Михайловна хотела согласно кивнуть, но подруга её опередила: – Спасибо за предложение, но у нас на сегодня очень много дел. Давайте как-нибудь в другой раз.

– Ну, в другой так в другой, – произнёс дед Витя.

– До свидания, – сказала Ирина Николаевна, улыбаясь. Затем развернулась, схватила за руку подругу и вместе с ней пошла к выходу со двора.

– До свидания, – бросил вслед Ионов. Он поглядел ещё раз на коньяк, довольно крикнул и исчез во внутренних домах.

Тузик проводил взглядом женщин, затем, довольный собой, вновь улёгся на землю. Жарко; что ещё делать псу летом в деревне – только набираться сил перед холодной зимой. Неприкосновенность жилища сохранена, хозяин доволен, значит, можно и побездельничать.

Из-под кустов крыжовника выглянул Цыган. Кот наблюдал за новыми деревенскими жителями уже второй день. Пока, по мнению животного, никакой экономической и гастрономической выгоды от женщин не виделось. Значит, более тесное знакомство с ними на данный момент не имело смысла. Цыган развернулся и пошёл на соседний участок, ловко преодолев забор. Деревню было необходимо держать в крепких когтистых лапах, иначе всё могло выйти из-под контроля.

– И какие же у нас дела? – спросила с укором Штольц у подруги, когда они шли по дороге к своему дому.

– Да неудобно было соглашаться, – оправдательно ответила Ирина Николаевна.

– Ага, неудобно ей, а вчера пьяной за руль было удобно садиться?

– Это было вчера. Больше такого не повторится. Да и к тому же ты была со мной.

– Это ты меня уговорила.

– А ты могла бы настоять на своём.

Они шли не спеша, наслаждаясь природой и попутно рассматривая окрестности.

– Посидели бы сейчас, чайку бы попили, поболтали бы, – вновь выступила с претензиями Штольц. – Виктор Иванович мужик вроде бы ничего. Да и я, между прочим, женщина свободная.

– Мы что, сюда с мужиками знакомиться приехали? – спросила удивлённо Побелкина.

– Нет, блин, мы сюда приехали пьяными на машине кататься.

– Да перестань уже про это.

Нина Михайловна обиженно замолчала. Потом, повернувшись к подруге, спросила: – Вот что мы сейчас делать будем?

– Да мало ли занятий летом в деревне? – вопросом на вопрос ответила подруга.

– Ну-ка, предложи хоть одно.

– Жарко, – деловито произнесла Побелкина. – Пошли купаться на речку.

Штольц посмотрела на голубое небо, прищурила глаз от попавшего в него солнечного луча и азартно произнесла: – А пошли. Только обещай мне, что в следующий раз, если кто-то из местных жителей мужского пола предложит попить чаю, то мы обязательно согласимся.

– Посмотрим.

– Что значит посмотрим, Ира? – возмутилась подруга.

– Ну мало ли, какие люди тут живут, мы же не со всеми знакомы. Вот, например, если Николай Степанович пригласит, тоже пойдёшь?

– Это в телогрейке который?

– Ага.

– Нет, я столько не выпью. Чая.

– Вот и я про то же. Люди-то разные бывают, – сказала Ирина Николаевна.

– Ладно, пошли переодеваться и на речку, – произнесла Штольц.

* * *

Наступил вечер. Он принёс небольшую прохладу и свежесть. Солнце уже почти скрылось за горизонт, с реки доносилось кваканье лягушек, Тузик плотно поужинал и лежал возле будки, смотря куда-то вдаль и размышляя о чём-то своём, собачьем. Неподалёку сидел Цыган и усердно намывал свою мордочку. Дед Витя смолил папиросу, сидя на лавочке возле дома, и ругал Кутузова, который сидел с ним рядом. Ионов вообще любил разговаривать с животными, считая их умнее многих людей. И что удивительно, порой казалось, что животные его понимают и даже что-то ему отвечают.

– Ну чего сидишь-то, морду отвернул? – задал Ионов вопрос коту.

Животное взглянуло на хозяина непонимающим глазом.

– Небось опять на грядках спал? – продолжил пытку вопросами дед. – Вижу, спал, вон и шерсть вся в земле. Ты бы умылся что ли, ходишь весь грязный. Вон, посмотри, Цыган по пять раз на дню умывается, а ты ходишь как бомж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.